

Необходимо добавить, что с точки зрения использования мотива «эха» при решении темы творчества «между» Державиным и Лиснянской незримо присутствует Пушкин, который в своём стихотворении «Эхо», также сопоставляя поэта с эхом и обращаясь к ним обоим, пишет: «На всякий звук <...> шлѣшь ответ; // Тебе ж нет отзыва... Таков // И ты, поэт!» [Пушкин 1977, 4: 214]. Добавим также, что сочетание «знатна часть» из державинского «Эха» напоминает о «части меня большой» из его же «Памятника», связывая, таким образом», два стихотворения в единый узел стихов о назначении поэта и поэзии. Напомним, что стихотворение «Памятник» есть перевод 30-й оды к Мельпомене Горация, вольным переложением которой является также и стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Таким образом, выстраивается целый ряд произведений о смысле поэтического творчества с общим одическим истоком, установкой, пафосом. В этот ряд, в силу своей «одической установки» на решение «высокой» темы поэта и поэзии, органично вписывается и «Эхо» Лиснянской, обнаруживая свою связь с пушкинской, державинской традицией и с традицией их общего древнегреческого предшественника Горация.

Подводя итоги сказанному, отметим, что присутствие Г.Р. Державина в лирике И. Лиснянской отмечено нами здесь лишь на уровне тематическом, да и то лишь с точки зрения тем смерти и творчества. Между тем, анализ лирики Инны Лиснянской в свете традиций Г. Р. Державина позволяет выявить более широкое его влияние: на понятийно-образном, стилевом, субъектном уровнях. Но это уже тема другого разговора.

Литература

Державин Г. Р. Сочинения / Г.Р.Державин. – М.: Правда, 1985.

Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века: Учебник / О. Б. Лебедева. – М.: Высш. шк., 2003.

Лиснянская И.Л. Эхо / И. Л. Лиснянская. – М.: Время, 2005.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / А.С.Пушкин. – Т. I. – Л.: Наука, 1977.

Платон / Сумароков: диалог об именах

Ю.В.Сложеникина

Самарский государственный технический университет (Самара)

А.В.Растягаев

Самарский филиал Московского городского педагогического университета (Самара)

*Ключевые слова: Сумароков, русский язык, этимология, экзегетика, Платон
...Язык всем знаниям и всей природе ключ;
Во слове всех существ содержится картина,
Сообществ слово всех и действие в пружина.*

Г.Р.Державин

Для Сумарокова страницы «Трудолюбивой Пчелы» (1759) стали своего рода коммуникативной площадкой, позволившей вести беседу с предшественниками, со-

временниками и потомками. Статья «О коренных словах Русского языка», опубликованная в февральском номере, представляет собой косвенный диалог с античными авторами, философствующими над проблемой происхождения имен.

В разных философиях мира, в разное время вопрос о правильности имен связывался с установлением гармонии, мирового порядка. XVIII в. в России рассматривают как период реабилитации античных авторов. Отечественные просветители усваивали и творчески трансформировали древнегреческие теории языка и стиля. До Сумарокова на российской почве вопрос о происхождении имен никем не поднимался. Идейное содержание, сходство примеров указывают на работу, ставшую импульсом сюжетного развертывания для писателя XVIII в. Это диалог Платона «Кратил». Обращение автора к первым теориям объяснения мироустройства позволяет рассматривать статью Сумарокова как попытку создания космогонического мифа, трансформированного русской культурной ситуацией середины XVIII в. и масонской направленностью журнала.

Платоновский «Кратил», рассмотренный с точки зрения космогонического мифа, дает возможность сформулировать следующие выводы. Первоначальными творцами имен были Боги, имена, данные ими всему сущему, были правильными и отражали природу вещи. Творцом имен может быть и человек, но не всякий, а отличающийся особыми возможностями разума, так называемый законодатель имен. Следуя за божественной традицией, он должен понимать природу вещи и подбирать для нее правильное имя. Для этого необходимо углубляться в историю первоначальных имен, открывать простейшие смыслы и из них конструировать производные имена. Законодатель имен должен учитывать природу звука, так как разные звуки по-разному воздействуют на органы чувств человека, вызывая разные эмоции и ассоциации. Изменение фонетического облика с течением времени не должно настораживать философа – первоначальный, чистый язык с неизбежностью развращается, все более и более становясь варварским. Словотворчество – это созидательная деятельность, подобная любому другому мастерству, а слово – это орудие познания мира и человека. Очевидно, что на творцах имен лежит особая ответственность, ибо неверно созданное слово, во-первых, разрушит гармонию, установленную Богами первичным актом именования, а во-вторых, не позволит человеку заниматься наукой, литературой, постигать окружающий его мир, поскольку не установит правильной связи между вещью и именем.

Сумароков также не может обойти стороной проблему именования, поскольку рассуждения о корнях напрямую связаны с происхождением языка, его мотивированностью, близостью к истокам и другим языкам. Тезис Сумарокова: наличие коренных слов в русском языке указывает на древность его происхождения. Исконные слова ос-

тавляют языку «естественную красоту и великолепие» [Трудолюбивая пчела 1759: 91].

А. П. Сумароков видит огромную роль писателя в сохранении языка, в формировании общественного вкуса и языковых предпочтений. Искусный писатель призван истреблять искры, могущие «погубить весь наш язык» [Трудолюбивая пчела 1759: 96]. Беспольными к будущему употреблению потомками Сумароков считает чужестранные синонимы к тому, «чему у нас есть точные свои названия», производные слова с «непристойными» предлогами и окончаниями, измененными ударениями, сложенные не по естественным словообразовательным моделям или наделенные несвойственной семантикой [Трудолюбивая пчела 1759: 96].

А. П. Сумароков, в отличие от первых двух русских профессоров, В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова, не имел возможности академической практики и публикаций. Поэтому «Трудолюбивая пчела» стала своего рода манифестом, где им были заявлены программные положения в области русского языка: возвращение к первоисточкам, уважение к самобытности и древности языка, истребление заимствований, не обусловленных общественной пользой. Сумароков понимал необходимость обновления языка, однако предостерегал от смешения с иностранными словами, чуждого русскому языку словопроизводства.

В зачине статьи А. П. Сумароков пишет, что драгоценными вещами для любопытных историков являются древние медали, надписи, столпы, обелиски, здания, развалины. «Но все то меньше служит Истории, нежели происхождение и древность языка» [Трудолюбивая пчела 1759: 92]. А. П. Сумароков предлагает к рассмотрению, в современной терминологии, словообразовательные гнезда. Семантически первые примеры связаны с речью, словом, голосом. Иллюстрации начинаются гнездом с вершиной *Весть*. В него включаются производные *Ведомость*, *Вещать*. Увидев диерезу и оглушение на конце слова, филолог пишет: «Из Обвед, зделано Обет. Из Обвещание зделано Обещание» [Трудолюбивая пчела 1759: 97]. Там, где это возможно, А. П. Сумароков привлекает данные других языков, прежде всего хорошо ему известного немецкого. Второй пример связан с корнем *ст-*. У вершины гнезда немецкое слово *Stamm*. А. П. Сумароков пишет, что по-русски это *пень*. В немецком языке лексема многозначна и объединяет в качестве лексико-семантических вариантов и идею рода, общего корня, и идею слова. См.: *Stamm* 1. ствол; 2. пень; 3. племя, род, семья, дом; 4. основной состав; 5. грамм. основа (слова) [Немецко-русский словарь 1976: 774]. Гнездо с вершиной *Ой* объединено Сумароковым, как кажется, под влиянием платоновской идеи о возможности произвольных звуко-буквенных замен, лишь бы только в слове сохранялась первоидея слова. Добавляемые к слову буквы приносят значения, вызываемые слуховыми ощущениями. «*Ой*: Восклицание в болезни. От того слово, *Вой*, *Выть*, *Бой*, в котором слове, Литера Б: от ударения Топора по дереву

слуху биение изъясняет. От превращения Б: в В: *Война*. От *Бой, Боль, Больше, Болель*. От голоса Руб, Б: к изъяснению биения взято, а от сопряжения Б: с восклицанием Ой, рождается *Бой* и *бить* [Немецко-русский словарь 1976: 97-98].

Используя межъязыковые совпадения, А. П. Сумароков объясняет название северного ветра *Борей*. Исходное слово *Бур* было мотивировано суровостью его произношения. Этот признак лег и в основу названия конской шерсти. От слова *Бур* происходит скифское название снега *Бурун*, и применительно к другой непогоде – *Буря*. Эти слова мотивируют наименование сурового, быстрого и холодного полноточного ветра *Борей*, совместившего все три первоначальных ощущения. А для жителей благорастворенной Греции, пишет А. П. Сумароков, холодный ветер, дувший от неких народов, стал мотивацией их этнического обозначения [Трудолюбивая пчела 1759: 100]. Очевидно, речь идет о Гиперборее – в древнегреческой и наследующих мифологиях, это легендарная северная страна, место обитания блаженного народа гипербореев.

Итак, не считая себя специалистом в вопросах этимологии, оставляя пространство этимологических разысканий другим, в февральской статье А. П. Сумароков выступает толкователем некоторого числа корневых лексем русского языка. Предпринятое рассуждение, как кажется, вполне возможно признать экзегетикой (от греч. *ἑρμηνεία* - *толкование, объяснение*). Если предшествующая экзегетика Средневековья и Нового времени являлась разделом богословия и занималась истолкованием смысла Священного Писания, то комментарии нашего автора должны объяснить читателям «Трудолюбивой Пчелы» новый дискурс, созданный редакцией под обложкой светского журнала.

Необходимость такого рода экзегетики связана со смысловой многомерностью текстов, требующих выявления символических, аллегорических, буквальных и иных смыслов. При этом Платон, Святые Отцы церкви и А. П. Сумароков понимают толкование текста не как придание ему новых смыслов, а правильную реконструкцию исходных (заложенных Богом или естеством). В основании «благорастворенного» мира лежат порядок и гармония. Фундаментом порядка является в большой степени язык: чем древнее язык, тем крепче фундамент нации. По А. П. Сумарокову, русский язык благодаря обилию коренных слов прямо указывает на древность русского народа. Рефлексии, предпринятые Платоном по поводу греческого языка, вполне актуальны и для русского языка XVIII века. Тенденции языкового развития, в том числе и регрессивные, подмеченные Платоном, имеют место быть и в русском языке середины века Просвещения. Расцвет Древней Греции, очевидно, обусловлен силой, множественностью этимологических связей, семантическим богатством ее языка. Отход от корней, засорение языка варварскими словами может привести в итоге к крушению великой

цивилизации. Наоборот, исконное словообразование, развитие языка за счет его внутренних возможностей – путь к укреплению национального самосознания.

Литература

Немецко-русский словарь / Под ред. А.А. Лепинга, Н.П. Страховой. Изд. 7-е, стереотип. – М.: Русский язык, 1976. – 991 с.

Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений: В 4-х т. – М.: Мысль, 1990. – Т.1. – С.613-681.

Сумароков А.П. О коренных словах Русского языка / А.П.Сумароков // Труды любимая Пчела. – СПб: Тип. Акад. наук, 1759. Февраль. – С.58-62. С.91-101.

П.А.Вяземский и Г.Р.Державин: об одной эпиграмме

Н.Н.Соловьев

Магнитогорский Государственный Технический Университет им.Г.И.Носова
(Магнитогорск)

Ключевые слова: литературные партии, эпиграмма, подражания, классицизм, Державин, Вяземский

В XIX веке излюбленным оружием литературных оппонентов становятся сатира и эпиграмма, поводом для которых могла послужить малейшая оплошность. Однако такое бывало не всегда. Иногда причиной служили события иного рода – трагические события. Смерть, как в нашем случае.

В рамках данной статьи речь пойдет об эпиграмме, написанной молодым Петром Андреевичем Вяземским. Мы поставили перед собой цель: разобраться с возникающей в рамках эпиграммы мистификацией. Для этого мы рассмотрим отношение Вяземского к Гавриилу Романовичу Державину; литературную борьбу начала XIX века; познакомимся с географией Санкт-Петербурга.

Эпиграмма П.Вяземского была предположительно написана в 1816 году, сразу после смерти Державина:

Когда беседчикам Державин пред концом,
Жилища своего не завещал в наследство,
Он знал их твердые права на желтый дом,
И прочил им соседство.

[Вяземский 1880, 3: 334]